

Философские подходы стран Запада к национальной безопасности

Вероника Климова

Приоритеты современного независимого развития любого государства в значительной степени зависят от того, насколько четко и недвусмысленно сформулированы его национальные интересы, а также от ясного понимания путей и средств реализации этих интересов. Среди приоритетных целей устойчивого развития государства на первом месте стоит обеспечение национальной безопасности во всех ее формах и проявлениях.

Государства никуда не исчезли, конфликты между ними продолжают существовать и, следовательно, дипломатическо-стратегическое поведение держав остается фактом мировой политики. Кроме того, для наиболее эффективного решения проблем безопасности государства склонны объединяться на основе общих целей, интересов и исторического развития.

Политика национальной безопасности государства определяется множеством условий и факторов, среди которых уровень социально-экономического и политико-правового развития, географическое и геополитическое положение страны, ее национально-исторические традиции, цели и потребности, задачи обеспечения государственного суверенитета и т.д. Все эти условия и факторы находят отражение в формировании определенной модели национальной безопасности.

Следует отметить, что после исчезновения биполярной конфронтации в мире происходит динамичная трансформация системы международных отношений, которая характеризуется двумя взаимоисключающими тенденциями:

– развитием интеграционных объединений государств, совершенствованием механизмов многостороннего управления международными процессами;

КЛИМОВА Вероника Валерьевна – аспирант Дипломатической академии МИД России.

Ключевые слова: Евроцентризм, атлантизм, интервенционизм, мягкая сила, глобальная ответственность, унилатерализм.

– доминированием развитых стран (при лидерстве США), которые ориентированы, прежде всего, на военно-силовые решения проблем мировой политики без учета безусловного следования ими самими требованиям норм международного права.

Находящиеся в прямой зависимости от политической практики концепции национальной безопасности Франции, фактически, определяются идеологическими **установками национальной доктрины**.

Среди прочих национальных особенностей формирования политики национальной безопасности можно отметить следующие. Во Франции существует устойчивое внутреннее согласие о том, что страна является великой мировой державой. В этом и состоит голлистская традиция, сформулированная Шарлем де Голлем как “Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах”. Франция не отягощена комплексом вины из-за своего колониального прошлого, что дает ей повод для претензий на глобальную роль в мире, что выражается в стремлении играть роль посредника между ведущими западными странами и государствами “третьего мира”. Однако Франция никогда не стремилась к одностороннему гегемонизму. Традиционно обеспечение безопасности ею рассматривается посредством равновесия великих держав в рамках многополярного мироустройства. Отсюда и традиционное стремление Франции к проведению гибкой политики балансирования и отказ от каких-либо двусторонних союзов в пользу многосторонних.

Франция также рассматривает военные инструменты в качестве основы обеспечения политики безопасности, что находит подтверждение **в обособленности (односторонности) в вопросах национальной обороны от НАТО и др. государств Европы**, а также в проведении собственной ядерной политики.

В геополитическом плане Франция числит себя не только континентальной и морской державой одновременно, но и уточняет, что является единственной (исключая Испанию) европейской страной, одновременно выходящей к Атлантике и Средиземному морю. Такое положение Франции предопределило и как бы тройственность ее геополитической модели.

Франции разделяет обязательства и несет ответственность за свои подмандатные территории и оказывает содействие в развитии своим бывшим колониям. Оправданием глобализма Франции служит также и ее статус постоянного члена Совета Безопасности ООН.

“Европейский периметр” определяет важность участия Франции в формировании регионального порядка как в Средиземноморье, Северной Африке, так и на Ближнем Востоке и прилегающих к нему акваториях¹.

“Евроцентризм” определяется особой важностью состояния безопасности в Европе и участия в европейских делах, где Франция традиционно рассматривает себя как регионального лидера, сдерживая при этом европейские аппетиты США, Великобритании (англосаксонская группа), Германии и, в некоторых случаях, России.

Отличительной особенностью руководства обеспечением национальной безопасности Франции является особая роль президента республики, что определено конституцией 1958 г., согласно которой президент является “гарантом национальной независимости, территориальной целостности, соблюдения соглашений Сообщества и договоров”, а также главой вооруженных сил. Президенту же предоставлены исключительные права, когда “независимость на-

ции, целостность ее территории или выполнение ею международных договоров оказываются под серьезной и непосредственной угрозой". Роль президента была закреплена (в 1959 г.) и в виде создания так называемого "президентского сектора", то есть исключительных полномочий президента, к которым отнесены вопросы внешней политики, дипломатии, обороны, отношений с членами Сообщества.

В силу особого, близкого к абсолютному, положения президента в сфере национальной безопасности, огромное значение приобрела и его функция основного идеолога ее обеспечения. Именно национальные доктрины и концепции, принятые за основные направления обеспечения безопасности (они, как правило, не носят характера единого, цельного документа), являются теми рамками, которые определяют текущие решения и дают ориентиры для перспективных. При разработке программных документов в области национальной безопасности президент опирается на советников из канцелярии президента при Елисейском дворце.

Участие остальных звеньев исполнительной власти в разработке вопросов национальной безопасности значительно скромнее. Тем не менее, премьер-министр и правительство располагают значительными возможностями в данном плане. Особо следует выделить подчиненный премьер-министру Генеральный секретариат национальной обороны (ГСНО), отвечающий за межведомственную координацию вопросов обороны, значение которого аналогично значению Совета национальной безопасности в США. ГСНО ведет и собственную аналитическую работу.

Большую роль в формировании национальной доктрины и концепции национальной безопасности Франции играют Министерство иностранных дел,

в рамках которого функционирует Центр анализа и прогнозирования, а также Министерство национальной обороны и Генеральный штаб, отвечающие за разработку национальной военной доктрины.

Необходимо отметить, что многие теоретики национальной безопасности из госаппарата, переходящие на работу в частный сектор, зачастую продолжают свою теоретическую деятельность. В результате формируются группы интересов, сочетающие в себе государственные взгляды и устремления частного бизнеса, что оказывает влияние на формирование и корректировку политики национальной безопасности.

Роль политических партий и представительских органов власти в определении политики национальной безопасности страны ограничено конституцией. Кроме того, доминирование исполнительной власти над законодательной во Франции фактически сводит на нет фактор межпартийной борьбы при определении характера концепции национальной безопасности. Тем не менее, большинство партий Франции разрабатывают свои программы внешней и оборонной политики, а также публикуют документы по различным аспектам безопасности.

При этом отмечается фактическое отсутствие серьезных разногласий в отношении политики национальной безопасности между фракциями Национального собрания Франции вне зависимости от остроты текущего момента и степени реальности внешних угроз.

С приходом к власти в 1995 г. Ж.Ширака трактовка национальных интересов стала более гибкой и прагматичной, особенно в отношении "атлантизма" и роли НАТО.

Среди основных приоритетов политики национальной безопасности Франции за последние четыре года следует отметить: подтверждение собственного независимого статуса черз

обладание ядерным потенциалом и значительной военной мощью; дальнейшее укрепление ЕС через валютный союз (евро) и франко-германское взаимодействие, а также ОБСЕ; опора на адаптированную НАТО и формирование модели “четырёхстороннего лидерства” в Европе.

В основе концепции лежит тезис о том, что национальное государство – основа европейской безопасности, то есть Франция преследует цель “дозированной” европейской автономии на основе концепции “прагматичного евроцентризма”.

В отношении НАТО просматривается установка сделать из США не абсолютного ее лидера, но заложника европейской безопасности перед лицом нестабильности в Восточной Европе, на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке. По мнению французских аналитиков, для Франции необходим противовес сильной Германии, нездоровой России и перманентной нестабильности. Выдвигается концепция “адаптированной НАТО”, что означает для Франции участие только в ее коллективных операциях, за исключением обозначенных в ст. 5 Устава Альянса (то есть “вне зоны ответственности”).

В позиции Ж.Ширака по вопросам национальной безопасности Франции прослеживается дальнейшее снижение удельного веса исходных голлистских установок. Это накладывает отпечаток и на политику национальной безопасности, которая носит смешанный, евро-атлантический характер, причем с опорой на евроцентризм².

Франция постоянно находится в активном поиске новой модели нацио-

нальных интересов. При этом основные модели проведения политики национальной безопасности ограничиваются двумя альтернативами: евроцентризмом и атлантизмом.

В начале нового века тесный союз США и Европы, традиционно определяемый в западных политических и научных кругах термином “атлантизм”*, вступил в новую и непредсказуемую эпоху, сопровождавшуюся разногласиями “Старого” и “Нового” Света по самому широкому кругу вопросов, начиная от экологии и торговли и заканчивая вопросами международной безопасности. Несмотря на неоспоримость того, что кризисные тенденции в американо-европейских отношениях не являются необратимыми, великий трансатлантический спор вряд ли можно сводить к простым тактическим разногласиям. Предмет этой полемики носит многогранный характер, а ее истоки следует искать в самой сущности американо-европейских изменений, кардинальным образом изменившихся в постбиполярный период.

В перечне вопросов, определяющих развитие трансатлантических отношений, не последнее место занимает проблема “односторонности / многосторонности”, как в узкой сфере оборонной политики, так и в более широком контексте международной безопасности.

Американская политика унилатерализма (политика действий в одностороннем порядке, что может лучше обеспечить собственные интересы и защитить базовые ценности) спровоцировала в западных политических, военных и научных кругах бурную дискус-

* По определению известного российского специалиста по внешней политике США А.И. Уткина, в плане конкретной политики “атлантизм” часто понимается в узком смысле – как концепция развития стран Североатлантического региона, главенствующая после Второй мировой войны в западноевропейской политике США. (Уткин А.И. Доктрины атлантизма и европейская интеграция. М., 1979).

сию о дальнейших перспективах многостороннего сотрудничества Европы и США в рамках существующих международных институтов. При этом дискурс по проблеме односторонности / многосторонности на уровне политического и экспертного сообществ в странах Запада неизбежно отражался на процессе формирования внешней и оборонной политики, находя воплощение в официальных внешнеполитических и военных доктринах США, НАТО, ЕС и отдельных европейских стран.

Концепция абсолютной безопасности, которая была принята на вооружение администрацией президента Дж.У.Буша, ознаменовала собой отход США от политики “благожелательной гегемонии”, основанной на системе широкой евро-атлантической кооперации призванной обеспечивать защиту Западных стран.

Отказ США от прежде существовавшей модели коллективной безопасности в пользу национального эгоизма в сфере обороны, по мнению критиков, привел к тому, что абсолютная защита Америки стала подразумевать абсолютную незащищенность других стран. Итогом такой политики стало возрождение “дилеммы безопасности”, когда окружающий мир стал воспринимать США и их внешнеполитический курс в качестве едва ли не главной угрозы собственным интересам.

Современная трактовка односторонней внешней политики, известной как унилатерализм, получила распространение в американской политической науке в последнее десятилетие XX в. в связи с окончанием “холодной” войны и беспрецедентным усилением влияния США в мире³.

Вместе с тем, в рядах сторонников незыблемости американского суверенитета намечился раскол в вопросе о целях и задачах, формах и содержании будущей односторонней внешнеполитичес-

кой стратегии США. Используя условную терминологию можно отметить, что консервативное экспертное сообщество разделилось на два основных лагеря: “изоляционистов” – расценивающих унилатерализм как средство реализации узко определяемых национальных интересов США, и “гегемонистов” – выступающих за применение в глобальном масштабе расширенной трактовки американских интересов. Принципиальным расхождением между двумя соперничающими течениями стал вопрос о международных обязательствах США во взаимоотношениях с внешним миром. В то время как “гегемонисты” рассматривали мультилатерализм как ограничитель для исполнения подобных обязательств (в понимании гегемонистов они означали широкое и бесконтрольное одностороннее вмешательство, призванное установить глобальную гегемонию имперского типа), “изоляционисты” относились к многосторонней политике как к фактору, заставляющему Америку исполнять ненужную ей самой лидирующую роль в мировых делах.

По сути американские унилатералисты гегемонистского толка отвергли так называемую “теорию гегемонистской стабильности”, согласно которой многосторонние институты, созданные по инициативе стран-гегемонов, помогают им преодолеть сопротивление других международных субъектов и, как следствие, “увековечить” свою власть над миром. Отказ от ключевых положений данной теории был мотивирован тем, что ее применение на практике привело не к “увековечиванию” американской гегемонии, а прямо к противоположным результатам. Стремясь ограничить своих союзников и противников с помощью многосторонних институтов, США ограничили собственную власть над другими странами. Универсализация некогда исключительно американоцентричных структур

позволила союзным странам подорвать американское влияние в них, оказывать большее влияние на внешнюю политику США и корректировать ее в своих интересах.

Главный тезис унилатералистов-изоляционистов, напротив, сводился к необходимости одностороннего отказа (или, по крайней мере, максимального сокращения) от политических и военных обязательств в отношении других стран (особенно европейских), а также международных договоров, режимов, союзов и организаций. Подчеркивая необходимость дистанцирования Америки от европейских проблем, Дж.Вашингтон считал, что “основополагающие интересы Европы либо никоим образом не связаны с интересами США, либо имеют к ним весьма отдаленное отношение”⁴.

Оставив за рамками дебатов возможность возрождения нового изоляционизма во второй половине XX в., политико-академическое сообщество сместило акценты спора в сторону вопроса о степени вмешательства в мировые дела и характере многостороннего сотрудничества. Иначе говоря, суть полемики не сводилась к вопросу о том, следует ли Соединенным Штатам проводить политику интервенционизма, речь шла о том, как осуществлять подобный курс вовлечения, – в одиночку или вместе с другими. Тогда же с новой силой вспыхнула двухпартийная дискуссия о степени американского вмешательства за рубежом.

“В то время, как либералы предлагали ориентироваться на так называемый “интервенционизм”, то есть поставить во главу угла внешней политики создание международного экономического и политического порядка, который обеспечил бы беспрепятственную экспансию американского капитала во всех частях света, то консервативная оппозиция апеллировала к традициям изоляционизма и невмешатель-

ства”, – отмечал российский исследователь С.М.Плеханов.

На рубеже XX в. и в начале XXI в. многие зарубежные и российские исследователи стали признавать, что в вопросе о соотношении односторонних/многосторонних методов решения международных проблем в США мнения демократов (либералы) и республиканцев (консерваторов) больше совпадают, чем различаются⁵. Двухпартийная дискуссия велась скорее по вопросу о формах поведения Америки в отношении их европейских союзников и, в гораздо меньшей степени, затрагивает содержательную часть американской внешнеполитической стратегии.

Американские концепции унилатерализма, (несмотря на неоднозначность их трактовок разными учеными) встретили неприятие как в Европе, так и в мире.

Европейские экспертные круги не перестают утверждать, что если Америка откажется от многосторонних обязательств она сможет сохранить свободу действий, однако при этом окажется в одиночестве. США превратятся в лидера, которому нечем будет руководить в мире, где нестабильность будет порождена американской изоляцией.

Принимая во внимание тот факт, что ЕС является главным потенциальным соперником США, то сама идея создания и поддержания широкой институциональной связи между Соединенными Штатами и сообществом, с которым Америка разделяет основные ценности, имеет смысл. США заинтересованы в развитии международных ценностей и институтов, которые ограничивают свободу действий других участников международной политики и создают рамки для сотрудничества.

Согласно утверждениям мультилатералистов, ограничение свободы дей-

ствий, накладываемое на сверхдержаву в процессе ее коллективных действий с другими международными субъектами, компенсируется дополнительными возможностями, позволяющими всем участникам многостороннего процесса достичь общих целей. С учетом того, что каждый партнер обладает определенными сравнительными преимуществами в конкретной сфере, совместные усилия, предпринимаемые всеми участниками коллективных действий, способны привести к успеху, который был бы недостижим, если бы каждый субъект действовал в одиночку.

Партнерство с Европой позволило бы США снять проблему, связанную с односторонностью собственных действий. Протест против односторонних американских действий со стороны “мирового сообщества” стал, в первую очередь, протестом Европы, которая после окончания биполярной конфронтации все чаще стала отказывать США в легитимности американских внешнеполитических действий. Преодолеть этот протест можно только путем достижения “широкого международного консенсуса”, под которым подразумевается в первую очередь консенсус с Европой.

“ЕС сильнее практически во всех областях глобального влияния, несмотря на его слабость в военном отношении по сравнению с США”⁶. Недостаток военно-силовых возможностей компенсируется высоким авторитетом и престижем Евросоюза. ЕС как собирательный образ уже сам по себе является воплощением многосторонности, поэтому европейские действия воспринимаются мировым сообществом как более легитимные и не встречают такого сопротивления, как в случае с американскими инициативами. Опора Европы на коллективные механизмы безопасности и “Евроцентризм” “интервенционизм”, “мягкую силу”, по мне-

нию европейских и критично настроенных в отношении официального внешнеполитического курса США американских исследователей, превратилась в еще одно важное преимущество ЕС над “жестким” гегемонизмом США.

Унилатерализм, по мнению противников американской политики односторонних действий, является скорее признаком постепенного упадка США, нежели следствием наступления эры “перманентной американской гегемонии”. С окончанием периода глобальной конфронтации, основой которого выступали принципы биполярного миропорядка, геополитический и геоэкономический контекст отношений США с ведущими странами и регионами мира претерпевает существенные изменения. Привычные мерки, подходившие для геополитических реальностей периода “холодной войны” не соответствуют новым условиям. США стоят перед насущной необходимостью поиска места и роли, соответствующих их новому положению в мировом геополитическом пространстве, формулирования новой повестки дня и новых целей, уточнения и корректировки своих интересов в области национальной безопасности. Однако в создавшихся условиях американским руководством еще не выработаны ориентиры, установки и ориентации, адекватные сложившемуся положению вещей.

Тенденции мирового развития, со всей остротой проявившиеся на рубеже XX–XXI вв., как полагают критики американского унилатерализма, являются собой дальнейшую деградацию американоцентричной системы институционального сотрудничества. Стремление США к освобождению от лидерского бремени путем выхода из этой системы, и попытки создать на ее месте “имперский миропорядок”, подрывают собственное могущество Америки, так как подобные действия идут вразрез с

истинными американскими стратегическими интересами. Как отмечали исследователи Д. Малон и Е. Фонг-Конг, американские односторонние шаги способны обеспечить США преимущество в краткосрочной перспективе, однако подобные действия подрывают долгосрочные цели американской внешней политики.

Самовольный выход США из ранее инициированных ими же самими международных соглашений, приведет к ослаблению важных режимов, где США играли и продолжают играть лидирующую роль.

Оптимальным решением для Вашингтона, по мнению критиков унилатерализма, были бы действия в тандеме с Европой и в рамках международных институтов, так как это позволило бы США, с одной стороны, больше легитимизировать свои действия на мировой арене, а с другой – избежать перенапряжения сил, которое, по мнению известного специалиста по европейским исследованиям Д. Каллео, является “фатальным злом для любого гегемона”. Евросоюз является естественным партнером США в строительстве совместной системы многостороннего сотрудничества, основанной на нормах и эффективном балансе сил, который способен поддерживать эти нормы.

Глобальная война с терроризмом, которую США стали вести практически в одиночку, привлекая лишь ограниченные силы союзников, послужила доказательством того, что наиболее сильная нация все же нуждается в многостороннем сотрудничестве. Если в 90-е годы неудачный опыт американского участия в многосторонних интервенциях под флагом ООН, в частности в Сомали, способствовал усилению унилатералистских настроений в политико-академических кругах Америки, то односторонние военные акции США в Афганистане и Ираке и связанные с ними последую-

щие проблемы урегулирования внутриполитической ситуации в этих странах были использованы сторонниками мультилатерализма для укрепления собственных позиций. В частности, директор центра стратегических исследований нидерландского института международных отношений “Клингендаль” Р. де Вик писал: “Соединенным Штатам, вооруженные силы которых находятся одновременно в Южной Корее, на Балканах, Ираке и Афганистане, чрезвычайно трудно справляться с проблемными странами и международными кризисами, подрывающими надежность американской силовой дипломатии”⁷. В такой ситуации Вашингтон нуждается в надежной военной опоре, роль которой может выполнить только Европа. Именно Европа могла бы стать “глобальным военным партнером” США в осуществлении всеобъемлющей американской стратегии, направленной на решение обоюдно важных для Америки и Европы военно-политических задач в мировом масштабе. На протяжении 90-х начала 2000-х годов Европейские страны-члены НАТО активно участвовали в постконфликтном восстановлении и “государственном строительстве” целого ряда стран, а вот подход Соединенных Штатов “выстрели и забудь” не доказал свою эффективность ни на Балканах, ни, тем более, в Афганистане и Ираке.

Определенное время у специалистов складывалось впечатление, что США, возможно, склоняются к созданию временных коалиций⁸.

Односторонняя политика США, кульминацией которой стала война в Ираке, не только спровоцировала серьезный кризис в трансатлантических отношениях, но и внесла раскол в ряды стран-членов ЕС и НАТО. В очередной раз обострились отношения Великобритании и Франции при одновременном укреплении франко-германских отношений.

Критики американской односторонности в настоящее время полагают, что корректировка американского курса, наметившаяся после политического “провала” США в Ираке, и постепенное склонение США в сторону коллективных инициатив не подразумевает пол-

ный отказ от унилатеризма и замены его на интернационалистский коллективизм. Такая политика неизбежно привела бы Соединенные Штаты к ограничению свободы для маневра, что неприемлемо для любой администрации (будь то демократы или республиканцы).

В конце XX – начале XXI вв. проблема односторонности / многосторонности во многом стала определять фон трансатлантических отношений в сфере безопасности. В этой связи западное политическое и экспертное сообщество все чаще стало обращаться к дискуссии о преимуществах унилатерализма над мультилатерализмом (или же первого над последним), особенно по мере того, как США и Европа начали реализацию собственных сценариев разрешения проблем международной безопасности. Вместе с тем, кризис концептуального мышления в западном экспертном сообществе, во многом обусловленный неопределенностью и переходностью нынешней ситуации в трансатлантических отношениях, воспрепятствовал формированию объективной картины, отражающей состояние Евроатлантического партнерства на современном этапе, затруднил выработку универсальной концепции, которая могла бы стать основой для выстраивания устойчивых американско-европейских связей в условиях складывания нового миропорядка. И хотя коллективные процедуры принятия решений, призванные обеспечить баланс интересов и, на этой основе, реалистичность и достижимость решений, остаются основой мультилатерализма, содержание данного понятия еще будет изменяться.

Примечания

- ¹ *Sloan S.* NATO, the European Union, and the Atlantic Community: the Transatlantic Bargain Challenged. Lanham, 2005.
- ² *Кейган Р.* О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004.
- ³ *Богатуров А.* Глобальные аспекты “цивилизационного” влияния США в XXI веке // МЭиМО. 2007. Сентябрь.
- ⁴ George Washington’s Farewell Address 1796. International Information Programs U.S. State Department // <http://usinfo.state.gov/usa/infousa/facts/democrac/49.htm>
- ⁵ *Шумилин А.И.* Проблема двухпартийности во внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5. С. 21–22.
- ⁵ *Moravcsik A.* Striking a New Transatlantic Bargain // Foreign Affairs. July / August 2003. Vol. 82. № 3. P. 84.
- ⁷ *Wijk R.* European Military Reform for a Global Partnership // The Washington Quarterly. Winter 2003–2004. Vol. 27. № 1. P. 209.
- ⁸ *Cox M.* Martians and venutians in the new world order // International affairs. 2003. Vol. 79. № 3. P. 527.